Медведь и лиса

Подружились медведь с лисой и стали жить в одной избушке. И медведь как раз проговорился: «Вот, лиса, у меня ведь есть латка масла».

А лиса ведь лакома до масла и стала придумывать, как бы съесть масло у медведя. В один вечер, когда медведь лежал на печи, а лисица сидела на ошостке и пряла, вздумалось ей поесть масла. Взяла веретеном поколотила по прялке и закричала: «Кто там? Сейчас отложу!» Сбегала в сени, пришла, а медведь и спрашивает: «Кто там, лисухна, колотится-то?» — «Ой, а кумой зовут!» — «Ну, сходи, лисухна, сходи».

Ну, лисица сейчас свернулась, убежала на вышку и давай грызть масло. Масло-то было мерзло, так что она заморозила губы и сама застыла. Прибежала — да и села на ошосток. А медведь и спрашивает: «Как у тебя, лисухна, крестнятка-то зовут?» — «Ой, лежи, толстомясой, однако, вся застыла, а тебе все надо знать». — «Ну да скажи, лисухна, скажи». — «Зачатыш». — Хорошо имячко-то, хорошо».

Опять сидела, сидела на ошостке, отогрелась, и вздумалось погрызть масла. И опять поколотила веретеном по прялке, а сама про себя: «Кто там?» Сбегала в сени, а медведь и спрашивает: «Кто там, лисухна, колотится-то?» — «Ой, а опять кумой иовут. Така стужа, вся застыла!» — «А сходи, лисухна бедна, сходи». (Не знает, что его масло едят.)

Ну, лисица свернулась опять на вышку и сгрызла масла боле половины латки. Прибежала, села на печь, на ошосток, отогреваться. А медведь и спрашивает: «Как у тебя, лисухна, крестнятка-то зовут?» — «Ой, толстомясой, вся застыла, тебя никуда не зовут».— «Ну да скажи, лисухна, скажи, как у тебя крестнятка-то зовут?» — «Посередочки лизец». Так что у ей больше половины масла съедено, дак! «Ну, хорошо имячко-то, хорошо».

Отогрелась лиса, и вздумалось ей опять идти масла грызть. Поколотила опять веретеном по прялке да и говорит: «Кто там?» Выбежала в сени, постояла да пришла в избу обратно. А медведь и спрашивает: «Кто там, лисухна, колотится-то?» — «Ой, а опять кумой зовут!» — «Ну, сходи, бедна лисухна, сходи!»

Вот лисица убежала на вышку, сгрызла все масло. Пришла, села на ошосток, а сама про себя: «Ой, к черту, больше не пойду кумой, вся застыла!» А медведь на печке: «Скажи, бедна лисухна, как у тебя крестнятка-то зовут?» — «Ой, а по донышку лизец» — «А хорошо имячко-то, хорошо».

Вот пожили-пожили, медведь вспомнил про масло и говорит лисе: «Лисухна, напеки-ко блинов. А у меня есть латка масла, так хоть поедим блинов с маслом».

Ну вот, лиса затопила печку, а медведь выстал на вышку, смотрит — там пуста латка, и пришел в избу с ревом: «Ой-ой-ой, лисухна, ведь кто-то у меня латку масла съел! Ведь уж ты, наверно, ходила крестняков держать?» — «Ой, толстомясой, может, сам съел, а меня винишь! Сядем давай против печки, с которого масло побежит, так тот и съел».

Ну, печка-то растопилась, они поддернули два стола к печке, положили две сковороды и сели на сковородки. Медведь-то на жаре и заснул, а у лисицы полна сковорода масла натекла. Она взяла свою сковороду с маслом, передернула медведю, а пустую от него взяла к себе, да и будит медведя: «Смотри, толстомясой, меня обвинил, а у самого полна сковорода масла натекла!» А медведь поверил да и говорит: «Наверно, я, бедна лисухна, я виноват, съел сам масло».

Ну, на этом и все.

(Зап. от Ф. Ф. Кабре- нова, 52 л., г. Пудож Карельской АССР, в 1948 г.)

Русские народные сказки Пудожского края. Составители А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1982.

Читайте также русскую сказку: Заяц и лисица.